

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВАЯ ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЭТНОГРАФИИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Уже само название книги Гарольда Драйвера и Уильяма Массея «Сравнительное изучение североамериканских индейцев»¹ привлекает внимание читателя. Действительно, работа заслуживает внимания как новая попытка классификации и обобщения результатов исследований в области этнографии индейцев и эскимосов Северной Америки. После выхода в свет более ранних обобщающих работ К. Уисслера (1917) и А. Кребера (1939)² прошло довольно длительное время, в течение которого изучение коренного населения Америки сделало большие успехи.

В основу данной работы положена несколько иная, чем у указанных авторов, классификация индейских племен. Включая в понятие Северной Америки всю территорию от Гренландии до Панамы, Драйвер и Массей делят ее на 12 районов: 1) арктический, подразделяемый на два подрайона: западный — аляскинские эскимосы и алеуты и центрально-восточный — канадские и гренландские эскимосы; 2) субарктический с тремя подрайонами — бассейн Юкона, бассейн Мекензи и восток Канады; 3) северо-западное побережье — от реки Медной на севере до северной Калифорнии на юге; 4) район Плато; 5) степной район; 6) район прерий, объединявшийся прежде со степными районами; 7) восточный район, объединяющий территорию расселения земледельческих племен на востоке США, включая и юго-восточные племена; 8) Калифорния; 9) район пустыни; 10) район Оазиса. Здесь Драйвер и Массей, следуя Кирхову, объединили племена юго-запада США и северо-запада Мексики; авторы допускают деление населяющих район племен на три подгруппы — пуэбло, атапаски, юма-юто-ацтеки; 11) Мезо-Америка, включающая южную Мексику, Гватемалу, британский Гондурас и части Гондураса и Сальвадора — район высоких индейских культур — майя, ацтеки и др.; 12) циркумкарибский район — побережье и острова Карибского моря — Центральная Америка, Вест-Индия, северные побережья Колумбии и Венесуэлы. Подобная дробность классификации оправдывается большой степенью учета авторами особенностей хозяйства и культуры различных групп индейского населения Северной Америки.

В языковом отношении все племена разделены Драйвером и Массеем на 14 лингвистических семей: 1) эскимосско-алеутскую; 2) надене — эйяки, тлинкиты, хайда и атапаски, 3) алгонкинскую, 4) селиш, 5) сиу, 6) ирокезскую, 7) мускогскую (называемую авторами лингвистической семьей Залива), 8) кэддо, 9) коахуальтеков, 10) юма, 11) юто-ацтеков, 12) майя, 13) чибча, 14) ароваков.

Весь материал книги разбит на четыре части: 1) Занятия; 2) Материальная культура; 3) Экономика; 4) Социальное устройство. В первой части приведен обширный материал о способах добывания средств существования, известных индейцам Северной Америки (охота, рыболовство, собирательство, земледелие). Во введении (гл. 1) к описанию различных типов хозяйства авторы определенно высказываются против географического детерминизма, говоря, что ведущее значение того или иного вида хозяйственной деятельности, например охоты, в жизни племени зависит от трех фак-

¹ Harold Driver and William Massey, Comparative studies of North American Indians, «Transactions of the American Philosophical Society», vol. 47, pt. 2, Philadelphia, 1957, стр. 165—456.

² C. Wissler, The American Indian, an introduction to the anthropology of New World, New York, 1917 (второе издание — 1922); A. L. Kroeber, Cultural and Natural areas of Native North America, Berkeley and Los Angeles, 1939.

торов: 1) количества доступных в данной среде животных, 2) орудий и опыта людей в охоте и 3) от значения в хозяйстве продуктов других занятий (например, рыболовства, собирательства). «Значение же этих других видов занятий определяется в свою очередь, техникой и опытом в вырывании у природы необходимых средств существования» (стр. 175). Нельзя не согласиться также с положением авторов, что «земледелие в большей степени по сравнению с собирательством, рыболовством и охотой зависит от истории, чем от географии» (стр. 185). Иными словами — чем менее развито производство, тем больше оно зависит от природных условий.

В гл. 2, посвященной охоте, собран обширный фактический материал о значении охоты в хозяйстве различных индейских племен, о методах и орудиях охоты, распространение которых наглядно представлено на многочисленных картосхемах. В конце обзора авторы не без основания отмечают губительное влияние колонизации на экономику и культуру охотничьих племен.

Описательный материал о рыболовстве (гл. 3) наглядно иллюстрируется на восьми картосхемах, на которых показано значение рыболовства в хозяйстве отдельных племен, распространение по материке методов и орудий лова — сетей, запруд, крючков, рыболовных копий, гарпунов и т. д.

Много внимания уделено описанию и картографированию использования индейцами дикорастущих растений (гл. 4) и значению их в хозяйстве отдельных племен. В разделе «Земледелие» описывается возделывание многочисленных культурных растений, известных индейцам до открытия Америки (маис, бобы, тыква, табак, маниока, томаты, хлопок, какао и др., — всего до 37 видов). На восьми картосхемах показано распространение различных культур и методов их выращивания. Специальная глава (6) посвящена описанию способов использования индейцами различных растений, продуктов охоты и рыболовства, методов приготовления, консервирования и хранения пищевых продуктов. Обычаи и верования, связанные с различного рода занятиями, описаны в гл. 7. Описание наркотиков,готавливаемых и употребляемых индейцами, является темой гл. 8 (распространение наркотиков ограничивается южной половиной материка). Интересные данные собраны о материальной культуре индейцев. В гл. 9—13 описываются транспортные средства, поселения, архитектура, одежда и украшения, ремесла, орудия и оружие индейцев различных районов материка. Сопровождающие это описание картосхемы хорошо иллюстрируют излагаемые сведения.

В общем в этих двух частях, занимающих большую часть работы (13 глав из 19), авторами собран большой и интересный фактический материал о хозяйственной деятельности индейцев, накопленный американской этнографией на сегодняшний день.

Третья часть работы — «Экономика» отведена освещению таких важных для понимания экономической структуры родового общества вопросов, как разделение и специализация труда, обмен и распределение, собственность и наследование. Во вступлении к этой части авторы пишут: «Мы написали несколько глав об экономике (хотя данные о ней далеко недостаточны) для того, чтобы создать непрерывность между главами о добывании средств существования и материальной культуре, с одной стороны, и главами о социальной организации, — с другой» (стр. 156). Основная мысль этого вступления становится ясной, когда мы узнаем из последней части работы, что авторы считают себя экономическими детерминистами в объяснении общественного устройства индейцев. Их экономический детерминизм (понимаемый авторами как экономический материализм) со всеми присущими ему пороками наиболее наглядно проявляется именно в последней части работы. В экономической же части книги приведен очень интересный фактический материал по затронутым вопросам.

В главе о разделении и специализации труда авторы прежде всего останавливаются на половозрастном разделении труда, отмечая его общераспространенность по материке. В пяти таблицах авторы наглядно показывают соотношение женского и мужского труда в производстве средств существования у эскимосов, квакиютлей, хидатца, хопи и майя-киче. Говоря о специализации труда, они отмечают слабую изученность этого вопроса в американской этнографии, подчеркивая в то же время его значение «как мерила сложности культуры» (стр. 363). Авторы приводят имеющиеся данные о частичной и полной специализации труда, показывая их распространение на картосхеме (№ 147). «Почти для половины континента, — заключают они, — имеются сведения о наличии частичной специализации, которая занимает лишь часть рабочего времени, необходимого для производства средств существования» (стр. 371). Полное выделение ремесла авторы считают характерным лишь для Мезо-Америки. Как показывают приводимые в работе материалы, в этой части континента еще до появления европейцев произошло отделение ремесла от земледелия.

В главе «Обмен и распределение» Драйвер и Массей справедливо отмечают, что «в первобытных» («непромышленных») обществах процесс распределения часто облекается в обрядовые формы, которые обычно считаются неэкономическими. Они излагают здесь сведения о различных формах такого распределения, относя к ним дарение, потлачи, угощения и пиры. Приводимая авторами интерпретация потлача как института принудительного 200-процентного займа не является сейчас общепринятой. Уже один тот факт, что на потлачах подарки получают и бедняки, не устраивающие ответных потлачей, говорит против возможности трактовать подарки как займы.

Авторы справедливо проводят принципиальную разницу между дарением и торговлей, высказываясь против довольно распространенного взгляда на обмен подарками как разновидность торговли.

Связывая развитие обмена со специализацией труда и производством прибавочного продукта, авторы приводят интересные материалы о торговле по отдельным районам материка. Специальный раздел этой главы («Деньги») посвящен изложению данных о возникновении товарных эквивалентов у различных племен Северной Америки (раковины у юроков, вампум у ирокезов, зерна какао в долине Мексики до Никарагуа).

Заслуживают внимания данные, собранные авторами в главе «Собственность и наследование». Учитывая недостаточную изученность этого вопроса, надо признать, что авторами проделана большая и кропотливая работа.

Обзору форм собственности, встречающихся у различных племен Северной Америки, авторы предпосылают несколько в общем верных положений: «Все примитивные народы мира,— пишут они,— имеют то или иное представление о собственности, и индейцы Северной Америки — не исключение. Их представления отличаются от наших (буржуазных.— Ю. А.) и варьируют от племени к племени» (стр. 383). Драйвер и Массей различают собственность индивидуальную и общую, движимую и недвижимую, материальную и нематериальную — к последней они относят родовые имена, легенды, песни, пляски. Авторы отмечают далее, что движимая собственность чаще всего бывает индивидуальной и передается путем дарения, обмена или продажи, а недвижимая — общинной и наследуется группой родственников. Однако нельзя согласиться с отождествлением авторами понятий индивидуальной и частной собственности. Это методологически неверное положение влечет за собой целый ряд ошибочных выводов и прежде всего оно стирает историческую грань между классовым обществом и родовым строем.

Если можно еще согласиться с авторами, что существует столько же конкретных форм собственности, сколько и форм социального устройства, то введенные ими (по Мэрдоку) термины — *patricentral*, *matricentral* и *bicentral*, служащие для обозначения различных форм собственности, нельзя считать удачными. Например, под термином «патрицентральной» авторы объединяют собственность родовую, собственность большой патриархальной семьи и частную, т. е. в одну категорию объединены принципиально и исторически разные формы собственности.

Авторы приводят довольно полный обзор форм собственности на охотничьи и рыболовные угодья у различных племен Северной Америки, а также на места сбора дикорастущих плодов и злаков. Из изложенного материала видно, что общинная собственность на эти угодья имела место у большинства индейских племен. Отмеченные авторами зачатки частной собственности на участки пушного промысла у некоторых охотничьих племен являются, несомненно, следствием колонизации. Наряду с этим у тех же племен сохранялась общинная собственность на места охоты на мясного зверя, на участки сбора ягод, кленового сока и т. д. Переходя к обзору форм собственности на обработанные участки у земледельческих племен, авторы отмечают, что здесь права на пользование этими участками более строго ограничены, чем при пользовании неводеланной землей и ее ресурсами (стр. 370).

Приводимые далее материалы свидетельствуют о широком распространении общинной собственности на жилище. Частная же собственность раньше всего складывается в отношении движимого имущества (меха, скот, украшения) и рабов. У этих же племен, пишут они, наряду со строго ограниченной собственностью на обработанный участок, существовало ничем не ограниченное право использования охотничьих и рыболовных угодий, участков для сбора дикорастущих плодов и растений, точно так же как у охотничьих племен северо-востока, наряду с более или менее ограниченными правами на пользование охотничьими угодьями, не было ограничений в отношении использования других угодий.

В конце главы о собственности авторы делают неожиданный вывод о «нематериальной» основе родовой организации. У них получается, что род объединяют не общая собственность на угодья, коллективный труд и потребление, а такие «нематериальные» явления, как общность права членов рода на исполнение родовых обрядовых песен, плясок, изображение родовых эмблем, на имена, на знание родовых легенд и пр. Они подчеркивают, что общность собственности на материальные объекты не должна оставлять в тени общность «нематериальной» собственности, которая и является, по их мнению, основой родовых институтов (стр. 394). Авторы пытаются доказать это положение на материале северо-западного побережья, которое они считают районом «наиболее развитого представления о невещественной собственности...» (стр. 394). Это представление якобы наиболее ярко проявляется в потлаче. «Потлач сосредоточивался на личном престиже, который был невещественным» (1 — Ю. А., стр. 394). Вряд ли многие современные исследователи культуры индейцев этого района согласятся с подобными выводами Драйвера и Массея. В действительности здесь развитие частной собственности достигло такой степени, что «личный престиж» человека в обществе зависел как раз от размеров его частной собственности (рабов, мехов, шкур, одеял). Так называемая «невещественная собственность» — родовые знаки, генеалогические легенды, пляски и т. д. — фактически служила оправданием права главы той или иной общины на определенные угодья, поэтому она также была непосредственно связана с материальной собственностью. Подобного рода идеалистический

вывод из всего изложенного материала представляется по меньшей мере нелогичным. Однако он неслучаен и служит основой сведения авторами в дальнейшем родовой организации чаще всего к филиации и локальности брака.

Четвертая часть работы Драйвера и Массея посвящена описанию социальной организации, под которой авторы подразумевают семейно-брачные отношения. Вопросы о классах, имущественной дифференциации внутри рода, о выделении родовой верхушки и людей различных рангов, являющиеся важнейшими вопросами при выяснении общественного устройства того или иного племени в период колонизации, остались, к сожалению, вне поля зрения авторов.

В гл. 17 «Брак и семья», начинающей эту часть работы, Драйвер и Массей дают сводку материала о встречающихся в Северной Америке формах брака. Однако к этой сводке приходится отнестись весьма критически. Нельзя согласиться с авторами, когда они парный брак трактуют как моногамию. Совершенно ошибочно они противопоставляют моногамию полигамии, называя полигамией все формы группового брака — и многоженство глав больших патриархальных семей, и пережитки более древних форм группового брака (сорорат, левират).

В вопросе об историческом месте семьи и рода авторы остаются на старых позициях большинства американских этнографов, выступавших против учения Моргана о роде. Утверждению Моргана, что Северная Америка является классической страной родового строя, они противопоставили положение, что не род, а семья является всеобщим институтом для индейцев Северной Америки. Различая три формы семьи: клеточную семью (nuclear family), полигамную и расширенную, первую из них они считают основой всех известных в Америке форм общественного устройства. Объединение нескольких клеточных семей, согласно их теории, дает семью полигамную или расширенную, разрастание последней дает различные формы родовой организации. Моногамная и парная семья трактуются под названием клеточной семьи без учета их принципиальной, исторической разницы. Тем самым затушевывается классовая сущность моногамной семьи.

Подобная теория развития общества, как известно, далеко не нова. Несостоятельность ее была убедительно показана в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В 1894 г. В. И. Ленин в полемике с Михайловским, называя эту теорию «детской побасенкой», которой «учат гимназистов», еще раз подчеркнул буржуазный характер ее идеологических корней. «История общественности — гласит эта доктрина прописей», — писал В. И. Ленин, — состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества³, затем — дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство³. В примечании к слову, отмеченному звездочкой, Ленин указывает: «Это — чисто буржуазная идея: раздробленные, мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы».

Как видим, слова Ленина не потеряли своей актуальности и сегодня. Авторы рецензируемого нами фундаментального труда по этнографии индейских народов Северной Америки повторяют ту же «доктрину прописей», с которой выступали во второй половине XIX в. сторонники патриархальной теории и вслед за ними русские «друзья народа».

Наши авторы различают далее шесть форм объединений людей на основе родства, вырастающих якобы из семьи, называя каждую из них особым термином: «линедж», «сиб», «мойети», «фратрия», «клан» и «дем». Как выясняется из определения этих терминов, все они обозначают, по существу, разнообразные формы и различные этапы родового строя, встречаемые у индейцев Северной Америки. Под линеджем авторы подразумевают части децентрализованного рода или дочерние роды, под сибом имеется в виду децентрализованный род. Если племя разделено на две половины, то каждую из них они обозначают мойети, если же на три части или больше, то каждую называют фратрией. Следуя Мэрдоку, под кланом авторы подразумевают локализованный род: «Невозможно отделить клан от расширенной семьи (! — Ю. А.), пишут они. — Большие объединения были кланами, меньшие — расширенными семьями» (стр. 413). Если клан занимал часть селения, он, по Драйверу и Массею, получал название «clan baggio» (родовой квартал).

«Еще одной территориальной и политической родственной группой является дем» (стр. 413). Этот термин авторы употребляют вместо столь популярного в американской этнографической литературе термина band. Демы отличаются от кланов тем, что правила экзогамности и эндогамности не соблюдаются в них на все 100%. Из даваемого авторами определения ясно, что дем является, по существу, обозначением родовой общины, приходящей уже к распаду. Это видно из следующих определений дема. Различая демы патрилокальные (патридемы) и матрилокальные (матридемы), авторы пишут: «Если патридемы полностью экзогамны, то они идентичны патрикланам» (стр. 413). «Матридемы это общины, в которых наблюдается преимущественная матрилокальность, большинство браков экзогамны, и большинство членов матридемы генетически родственны по женской линии. Если все эти правила соблюдаются на 100%, то матридем идентичен матриклану» (стр. 414).

³ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 137.

Из характеристики демонов, даваемой Драйвером и Массеем, видно, что здесь имеется в виду соседская община, но отличие ее от родовой организации авторы видят лишь в том, что она не экзогамна. В действительности же главное отличие заключается в том, что соседская община предполагает наличие частной собственности на средства производства и имущественное неравенство, тогда как род основан на общинной собственности, коллективном труде и распределении. Соседская община, объединяя имущественно неравных людей, часто сохраняет внешние формы рода. Это имело место у многих степных конных племен Северной Америки. В этом отношении авторы правы, говоря, что «в Западной Мексике патридемы ошибочно принимались за кланы и сибь» (стр. 414).

Совершенно ясно, что введение такого количества терминов значительно усложняет и запутывает очень важную задачу изучения различных форм родовой организации у индейцев Америки. Пользуются этой терминологией, несомненно, ради того, чтобы доказать отсутствие единства исторического пути развития различных индейских племен и тем самым опровергнуть учение Моргана об изначальности материнского рода в истории индейских народов. На основании использования этих терминов доказывается, что каждое племя развивалось своим особым путем. Обозначаемые этими терминами формы фигурируют одна рядом с другой без учета их взаимосвязи и их исторической последовательности. У одних племен встречался линедж и не было сибя, у других были и сибь и линеджи, у третьих существовали кланы, у четвертых — демы. У одних все эти формы носят патриархальный характер, у других — матриархальный, у третьих — билатеральный. Эти взгляды авторов с наибольшей полнотой развернуты в заключительной главе 19, названной «Соединение функционального, эволюционного и исторического подходов». Основой ее является работа Драйвера, опубликованная по этим же названием в 1956 г.⁴

Глава начинается с утверждения, что до сих пор авторы старались излагать факты эмпирически, без всякой предвзятости, не обращаясь к теоретическим интерпретациям. Однако на самом деле вся работа свидетельствует о том, что в основе распределения и систематизации фактов лежат совершенно определенные теоретические концепции авторов. Это особенно ярко проявилось в главах о социальной организации, изложение материала которых всецело подчинено основной идее — отрицанию учения Моргана о роде как универсальной форме общественного устройства индейцев. Тенденциозность изложения фактов подготавливает читателя к определенным теоретическим выводам, сделанным авторами в заключительной главе, где они пытаются объяснить формы общественного устройства у различных индейских племен.

Авторы, именуя себя «экономическими детерминистами», обещают дать объяснение различных форм социальной организации с позиций экономического детерминизма, который сводится у них к утверждению, что половое разделение труда и формы собственности на землю определяют форму локальности браков, счет и терминологию родства (стр. 425). При этом порядок причины и следствия представляется им следующим образом: половое разделение труда определяет локальность брака, которая, в свою очередь, определяет формы собственности на землю, а от этих последних зависят счет и терминология родства. Авторы указывают при этом, что до выхода в свет в 1949 г. работы «Социальная структура» Мэрдока⁵, рассуждения о связи между экономикой и социальной организацией ограничивались попытками доказать, что половое разделение труда определяет локальность брака, локальность же брака определяет счет родства; Мэрдок добавил к этой триаде систему родства, заслужившей авторство, с их точки зрения, является включение в эту схему форм собственности на землю. Однако мнение авторов, будто «Мэрдок первым подчеркнул, что система родства имеет тенденцию следовать счету родства» (стр. 422), несправедливо по отношению к Моргану, более 80 лет назад доказавшему тесную связь системы родства с общественным устройством, и в частности с семейно-брачными отношениями. В «Древнем обществе» Морган на основании изучения систем родства дал картину развития семьи и рода. Представители американской школы исторической антропологии в ожесточенной борьбе против основных положений Моргана наряду с отрицанием его учения о роде пытались доказать, что системы родства не связаны с общественным устройством, не отражают реальных общественных отношений и, таким образом, не могут быть основанием для реконструкции форм семьи и общества. Наиболее принятой была предложенная Кребером интерпретация систем родства как чисто лингвистического явления. Несомненно, Мэрдок первым из современных американских этнографов примкнул к Моргану в оценке общественного значения систем родства, и авторы, очевидно, с ним солидарны. Однако это верное положение используется ими для доказательства патриархальной теории развития общества. В специальном разделе гл. 18, посвященном изложению типологии систем родства по Мэрдоку, они утверждают, например, что система родства, в которой мать, сестра матери и сестра отца обозначаются тремя различными терминами, древнее, чем система родства, обозначающая мать и сестру матери одним термином, а сестру отца — другим. На этом основании доказывается, что моногамная семья древнее группового брака.

⁴ H. Driver, An integration of functional, evolutionary and historical theory of correlations, Supplement to «International Journal of American linguistics», New York, 1956, т. 22, № 1.

⁵ F. G. P. Murdock, Social Structure, New York, 1949.

Предложенная авторами пятиэлементная формула создает довольно необычное представление об «экономическом детерминизме». Здесь уместно будет во избежание каких-либо кривотолков отметить, что классики марксизма нигде не называют свое мировоззрение ни экономическим материализмом, ни экономическим детерминизмом. Это подчеркивал в свое время В. И. Ленин в полемике с Н. Михайловским. «Но где читали Вы у Маркса и Энгельса,— писал Ленин,— чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое миросозерцание, они называли его просто материализмом»⁶. «Теория состояла в том,— указывал В. И. Ленин,— что для «освещения» истории надо искать основы не в идеологических, а в материальных общественных отношениях»⁷.

Как показывают собранные авторами факты, локальность брачной пары не поддается объяснению разделением труда между полями в той форме, в какой это разделение трактуется ими. Они постулируют первоопределяющее значение полового разделения труда во всех обществах индейцев независимо от уровня их исторического развития. Они не учитывают значения в этих обществах общественного разделения труда, в корне и принципиально отличного от естественно возникшего на ранних этапах человеческого общества полового разделения труда. Наличие в индейских обществах общественного разделения труда свидетельствовало о значительном шаге вперед в развитии производительных сил. Разве можно ставить, как это делают авторы, на один уровень половое разделение труда в раннеклассовом обществе майя и у племен собирателей, например у сери? У первых женщина почти полностью была отстранена от общественного труда, ведение ею индивидуального домашнего хозяйства утратило свой общественный характер, что повело к принижению положения женщины в обществе майя. А у сери женщина к концу XIX в. еще занимала господствующее положение в общинном домашнем хозяйстве.

При попытке экономического объяснения форм общественного устройства на основе полового разделения труда в отдельных обществах коренная ошибка авторов заключается также в том, что они принимают во внимание лишь труд, направленный непосредственно на изъятие у природы главных продуктов, необходимых для существования данной общины (охоту, рыболовство, собирательство), на добычу сырья, но не учитывают труд, затрачиваемый на переработку этого сырья, иными словами они не учитывают всей суммы труда, затрачиваемого общиной на производство необходимых ей средств существования. Это значит, что они принимают во внимание лишь одну сторону производственного процесса, оставляя в стороне производительные силы данной общины в целом. Этот подход находится в противоречии с содержанием составленных самими авторами таблиц (стр. 364—369), в которых показана роль мужского и женского труда в общественном производстве у пяти племен. Таблицы не оправдывают основного вывода авторов о том, что в хозяйстве охотников и рыболовов преобладает мужской труд, а у земледельцев — женский. На этом ошибочном выводе строится умозаключение, будто отсталым племенам охотников и рыболовов (как и раннеклассовым обществам ацтеков и майя) присущи патриархальные нормы, а у более развитых земледельческих племен развивается материнский род.

В корне неверно положение Драйвера и Массея, будто различные формы собственности определяются локальностью браков. При этом авторы учитывают лишь формы собственности на землю. Но приводимые ими фактические материалы бесспорно убеждают (думаем, что не только читателей, но и самих авторов) в невозможности объяснения форм собственности, даже на землю, локальностью браков. С одной стороны, совершенно очевидно, что у племен с материнской родовой организацией наиболее полно проявляются общинные начала; с другой — история богата примерами того, что общинная собственность на землю сохраняется очень долго наряду с господствующей уже в обществе частной собственностью на другие средства производства — скот, рабов, усовершенствованные орудия труда и т. д. Общинные угодья используются уже парцеллярно, что ведет к частному присвоению продуктов труда и к развитию обмена. В этих условиях хозяйственной единицей является уже не родовая община, а патриархальная семья.

Неудивительно поэтому, что статистическая обработка данных о распространенности и взаимной корреляции между отдельными частями пятиэлементной формулы (половое разделение труда — локальность брака — формы собственности — счет родства — система родства) убеждает авторов в том, что в большинстве случаев эти элементы социальной организации не укладываются в их схему экономического детерминизма.

Признав, что их «экономический детерминизм — это только частичный детерминизм» (стр. 634), авторы обращаются к диффузии и заимствованиям для объяснения наличия у охотничьих и рыболовческих племен Северной Америки элементов материнского рода — факт, совершенно не поддающийся объяснению намеченной ими схемой развития. Излагаемый в главе конкретный материал всецело подчинен полемике авторов с Мэрдоком и Эгганом, высказавшимися против попыток объяснения форм социальной организации заимствованиями. Авторы стремятся опровергнуть положение Мэрдока о том, что «элементы социальной организации могут заимствоваться лишь при нали-

⁶ В. И. Ленин, Указ. раб., стр. 133.

⁷ Там же.

чий условий, в которых эти же элементы могли возникнуть и развиваться независимо, при отсутствии культурных контактов»⁸. Они не могут согласиться с аналогичным мнением Эггана, писавшего, что «социальные структуры не более подвержены заимствованиям чем лингвистические структуры, тогда как элементы культуры, подобно словарю, могут быть заимствованы с большой легкостью»⁹.

В конечном счете при объяснении социального устройства индейских племен авторы, несмотря на их «экономический детерминизм», остаются на старых позициях американской школы исторической этнографии, ничем не отличающихся от позиций культурно-исторической школы. Материнский род признается возникающим на сравнительно высокой ступени развития у земледельческих племен в одном центре, где-то в районе тропиков, и распространяющимся отсюда на север вместе с земледелием. Всем охотничьим племенам приписываются патриархальные нормы, являющиеся якобы следствием географических условий, а сохраняющиеся у них элементы материнского рода объясняются заимствованиями. При этом материнскую организацию заимствуют более отсталые племена у более развитых: например, охотничьи племена внутренней Аляски и бассейна Юкона якобы заимствовали материнский род у племен северо-западного побережья (тлинкитов, цимшиан), а южные атапаски — у племен пуэбло. На этом основании авторы заключают, что отдельные элементы социальной организации могут заимствоваться племенами, у которых отсутствовал «экономический фундамент» для самостоятельного их формирования. У авторов получается, что общественное устройство может быть не связано с материальной жизнью народа. Так «экономический детерминизм» наших авторов приводит их к откровенному идеализму.

Порочные методологические позиции авторов приводят их к совершенно неверным выводам, подобным тому, что практика покупки жен атапасками внутренней Аляски у индейских племен северо-западного побережья, возникшая, как указывают авторы, в период меховой торговли, играла чуть ли не решающую роль в появлении у них матрилинейного счета родства, наряду с которым якобы у многих племен сохранялась прежняя патрилокальность браков (стр. 435), или что авункулат — это способ приспособления матриархальных отношений к патриархальным (стр. 435) и др.

Так как авторам не удается объяснить наличие патриархальных норм у калифорнийцев ни на основе «экономического детерминизма», ни на основе диффузии, они выдвигают тезис о биологическом превосходстве мужчин как якобы определяющем факторе.

Совершенно очевидно, что Драйвер и Массей описывают и трактуют формы общественного устройства индейцев внеисторически. Пользуясь в основном сведениями источников XIX в., авторы пишут, что они реконструируют автохтонную, не затронутую колонизацией культуру, хотя сами же отмечают в начале работы, что культуру индейцев нельзя считать оставшейся неизменной с 1500 до 1800 г. (стр. 175). Действительно, излагаемые авторами материалы бесспорно свидетельствуют о том, что к началу XIX в. под непосредственным или косвенным влиянием колонизации общественное устройство всех индейских племен Северной Америки приходит к распаду материнского рода и формированию патриархальных норм.

Более отсталые племена (охотничьи племена алгонкинов и атапасков севера Канады, собиратели Калифорнии и Большого бассейна) с слабо развитым родовым строем быстрее перешли к патриархальным отношениям, что дало повод американским этнографам считать эти отношения изначальными и присущими малоразвитым народам.

В то же время у племен с высокоразвитым родовым строем (индейцы пуэбло, племена востока США, верховьев Миссисипи, северо-западного побережья и др.) наблюдается большая стойкость норм материнского рода. Процесс перехода к патриархату у этих племен чрезвычайно замедлен, переходный период особенно длителен. У них возникают новые формы и институты специфически переходного периода — авункулат, потлач, двусторонний счет родства, переходно-локальный брак, матриархальная и патриархальная большая семья и т. д. Большинство современных этнографов США эти специфические переходные институты трактуют как изначальные; особенно распространена трактовка билатерального счета родства как его исходной формы, от которой, якобы, развитие идет по двум линиям — патриархата (у более отсталых племен) и матриархата (у более развитых земледельческих племен).

Таким образом, в области изучения и объяснения форм общественного устройства индейских племен работа Драйвера и Массея не только не дает ничего нового, но и отвергает то положительное, что дали работы их коллег и современников (Мэрдока, Эггана)¹⁰. Фактический материал, характеризующий общественную организацию индейцев, изложен настолько тенденциозно, настолько запутан обилием терминов, что разобраться в нем стоит большого труда.

⁸ F. G. P. M u r d o c k, Указ. раб., стр. 196.

⁹ F. E g g a n. Social anthropology; methods and results (в сб. «Social anthropology of North American tribes», Chicago, 1955, стр. 493—494).

¹⁰ F. G. P. M u r d o c k, Указ. раб.; F. E g g a n, Указ. раб.

Наряду с этим первые две части книги бесспорно заслуживают внимания. Они представляют собой солидную сводку современных знаний о хозяйстве и культуре различных индейских групп Северной Америки, хорошо иллюстрируемую многочисленными картохемами. Несомненно, что третья часть работы, посвященная рассмотрению экономических вопросов, представляет собой наибольший интерес.

К работе приложена подробная схематическая карта расселения индейских племен ко времени колонизации материка, которая и положена в основу имеющихся в книге картосхем.

Иллюстрация книги картохемами, несомненно, очень полезна, особенно в области материального производства. Авторы детальнейшим образом картографируют распространение отдельных явлений. Но, как уже отмечалось выше, содержание некоторых картосхем четвертой части книги вызывает большие сомнения.

Нельзя не отметить как положительную сторону работы Драйвера и Массея обширную библиографию важнейших исследований по этнографии коренного населения Северной Америки.

Ю. Аверкиева

НАРОДЫ СССР

Українська етнографія. Київ, 1958.

Рецензируемая книга составляет четвертый том «Ученых записок» Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук Украинской ССР. Она состоит из статей, посвященных исследованию актуальных вопросов современной этнографии. Различна проблематика статей, неодинаков их научно-теоретический уровень, однако для всех характерны некоторые общие черты. Важнейшей из них является изучение мало исследованных вопросов жизни и быта украинского народа до и после Великой Октябрьской социалистической революции.

В подавляющем большинстве статей, объединенных в томе, используется преимущественно новый материал, почерпнутый из республиканских и областных архивов, а также собранный авторами во время экспедиций, направленных в послевоенные годы отделом этнографии Института в различные районы Украины¹. Тесное сочетание исследовательской и полевой собирательской работы дало возможность авторам статей ставить и решать отдельные научные проблемы на новом, интересном материале. Статьи сборника показывают, насколько важно для ученого-этнографа проводить непосредственные наблюдения за жизнью и бытом народа: это позволяет внести в научную работу живую струю, проследить рождение нового и его сочетание со старым, традиционным, а главное, сделать свои труды полезными не только для науки в узком смысле слова, но и для практики.

Именно в тесной связи с современностью мы видим основное достоинство рецензируемого тома «Ученых записок».

Открывается том статьей К. Г. Гуслистого «Этапы формирования украинской буржуазной нации». Проблема, решение которой намечается в статье, почти не изучена: нет, в частности, определенной точки зрения ни на время зарождения, ни на время окончательного формирования украинской буржуазной нации.

К. Г. Гуслистый совершенно правильно рассматривает вопрос об этапах формирования украинской буржуазной нации не изолированно от аналогичного процесса у русских и белорусов, а в связи с ним. Автор отмечает, что бурное развитие промышленности в городе и капиталистических отношений в деревне, пребывание большей части Украины в рамках единого русского государства, наконец, естественная тяга украинцев к России — во многом предопределили общие черты формирования буржуазных наций у русских и украинцев. Одновременно с этим в истории Украины было много таких событий, которые вносили своеобразие в этот процесс, например, расчлененность украинских земель, которые во второй половине XVII — первой половине XVIII в. находились под властью нескольких государств: России, Польши, Венгрии и зависимой от Турции Молдавии, а также наличие массового народного национально-освободительного движения, возглавленного Богданом Хмельницким.

Вполне понятно, что отмеченные исторические факторы по-разному влияли на процесс формирования украинской буржуазной нации: одни тормозили его (полити-

¹ Информации о некоторых из них см. в статьях: Г. Е. Стелъмах, Этнографическая экспедиция в Волынскую область в 1955 г.; его же, Маршрутная этнографическая экспедиция в Черкасскую, Полтавскую, Запорожскую, Днепропетровскую и Кировоградскую области в 1955 г.; Е. М. Кравец, Комплексные экспедиции 1955 г.; О. М. Косарик, Этнографическо-фольклорная экспедиция в район строительства Кременчугской ГЭС (май 1956 г.); А. С. Кунецкий, Экспедиции по изучению быта рабочих Украины, — опубликованных в разделе «Экспедиции» рецензируемого тома «Ученых записок».